

Е.Б.Павлова

Справедлива ли демократия?

Анализ латиноамериканского опыта

В статье анализируется новый демократический дискурс, возникший в Латинской Америке в ходе «левого поворота». Особое внимание уделяется постколониальному восприятию политических процессов (Боливия и Венесуэла), в рамках которого формируется такая оценочная категория, как «несправедливость». Ее важность для региона, для артикуляции демократического дискурса нельзя не учитывать, так как именно проблема создания более справедливого мира является сейчас здесь центром политических дискуссий.

Ключевые слова: демократический дискурс, Боливия, Венесуэла, постколониализм, международные отношения

На сегодняшний день ни одно обсуждение политических проблем не обходится без упоминания понятия «демократия». Говорим ли мы о внешней политике, формируем ли новые идеи внутренней стратегии государства, это понятие неизбежно будет фигурировать в стандартном перечне условий, необходимых для успешного развития страны. Постоянное повторение тезиса о «необходимости демократии», тем не менее, пока не привело к четкому пониманию того, чем же она все-таки является и каковы ее основные критерии. При этом непрерывное употребление данного термина во всех возможных типах дискуссий стало основой некой уверенности в том, что хоть базовые признаки демократии четко и не определены, каждый из нас прекрасно понимает, о чем идет речь и в каком направлении надо двигаться обществу, государству, да и миру в целом.

Однако если внимательнее рассмотреть эту проблему, мы увидим, насколько многозначным является сам вышеупомянутый термин и насколько разные подходы требуются при попытке обозначения того или иного курса как «демократического».

Во-первых, демократия может быть рассмотрена как политический режим; этот путь предпочитают практически все политологи, так как именно он дает возможность выделить некоторые критерии, более или менее ясно характеризующие режим как «демократический» или «антидемократический».

Елена Борисовна Павлова — кандидат политических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (pavlova@mail.sir.edu).

Во-вторых, существует возможность анализа демократии как нормативного демократического дискурса, где критерии будут выделены менее четко, так как сами нормы и их сочетания могут варьироваться от страны к стране. Конечно, существует дилемма неолиберальной и социал-демократии, дилемма, в которой основной нормативный выбор будет формироваться между идеями «свободы» и «социальной справедливости и равенства». Это, безусловно, не означает, что общество вынуждено сделать однозначный выбор в пользу той или иной идеи, так как возможность их сочетания была доказана еще в работах Иммануила Канта. Вопрос здесь скорее в приоритете какой-либо одной ценности, которая и будет формировать демократическую политическую риторику как неолиберальную или социал-демократическую. Тем не менее, хотелось бы отметить, что упомянутая дилемма, хотя и претендующая на универсальность, является продуктом скорее демократического дискурса так называемого «Запада». При анализе же других регионов, прежде всего стран «третьего мира», мы должны крайне аккуратно обращаться с этой дилеммой, понимая, что в любом случае здесь мы сталкиваемся уже с ее местной интерпретацией.

Ни для кого не секрет, что трактовка социал-демократии в Швеции или в Португалии серьезно отличается от социалистических идей, представленных сейчас в официальном политическом дискурсе Боливии или Венесуэлы. И вопрос не в том, какая из них вернее, так как единственно правильной или универсальной она, на наш взгляд, быть не может. Демократичность режима правления определяется скорее уровнем поддержки гражданами страны официального курса. При этом, говоря о демократических дискурсах, мы, конечно, отдаем себе отчет в их множественности внутри каждого отдельного общества, однако, полагаем, что для обобщающего анализа мы можем опираться на главенствующий дискурс, представленный в речах политической элиты.

Попытаемся определить нормативные рамки демократических процессов, которые имеют место в некоторых странах Латинской Америки, прежде всего, останавливаясь на государствах, вызывающих наиболее ожесточенную критику со стороны ведущих стран мира, — Боливии и Венесуэле.

ДЕМОКРАТИЯ КАК КРИТЕРИЙ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Нужно отметить, что критика демократических процессов в той или иной стране уже давно стала одним из критериев ранжирования государств в системе международных отношений. Именно «демократичность» режима или ее отсутствие позволяют ряду ведущих мировых держав, прежде всего США и странам Западной Европы, серьезно пересматривать и переопределять место какой-либо страны на мировой арене. Именно на этой основе формируются такие понятия, как «государства-изгои», или же формулируются идеи, подобные «праву народов», известнейшего современного либерала Джона Ролза¹. Запад, будем для краткости пользоваться данным термином, практически монополизировал все семантическое поле понятия «демократии», что привело к закономерному эффекту — на сегодняшний день именно западная демократическая риторика рассматривается как точка отсчета, как уже заданные критерии для развития демократии в любой

стране. По сути дела западная модель демократии претендует на универсальность, не обозначая это как требование, и базовым основанием для такой позиции, безусловно, является период Просвещения с его четко выраженной идеей рационального и прав человека. Собственно Просвещению мы обязаны как появлением дилеммы — свобода/социальная справедливость и равенство, так и формированию социал-демократической и неолиберальной идеологий. С этих позиций и ведется сейчас критика демократических процессов во всем мире.

Однако только ли сильные внешнеполитические позиции позволяют политическим элитам Запада критиковать процессы демократизации во всем мире? Конечно, это нет так. Важным аспектом здесь является возможность совместить два подхода к изучению демократии, которые были указаны выше, — демократия как политический режим и демократия как нормативный дискурс. На текущий момент западные демократии скорее тяготеют к его неолиберальному полюсу, что и позволяет оперировать таким критерием, как свобода, и с точки зрения политических норм, и с точки зрения политической практики. Таким образом может формироваться не только критика того или иного режима, но и фиксируется сам западный взгляд на демократию, четко определяя своего политического оппонента. Нам представляется, что укрепление идей демократии в США происходит во многом благодаря противопоставлению их принципов идеологическим принципам соседних государств, таких, например, как Боливия и Венесуэла. Но вот вопрос, насколько демократический дискурс тех же Венесуэлы или Боливии формируется на основе данного противопоставления, пожалуй, совсем не так ясен.

ДИЛЕММА «СПРАВЕДЛИВОСТЬ/НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ»

Уже стало общепринятым начинать разговор о «левом повороте» в Латинской Америке с упоминания провала «Вашингтонского консенсуса», и подобный подход, безусловно, верен, если мы говорим о формировании новых политических курсов. Однако, если нашей задачей является анализ нового демократического дискурса региона, то здесь, возможно, было бы вернее начать с более давних событий в истории стран Южной и Центральной Америки — а именно с процессов переоценки эпохи колонизации и формирования идеи государственности после обретения независимости. Конечно, рамки статьи не позволяют углубиться в столь широкую тему, поэтому ограничимся наиболее существенными замечаниями.

Главное, на наш взгляд, в следующем: в то время как Запад пытался вывести социальную формулу, базирующуюся на упомянутой принципиальной дилемме, Латинская Америка формировала и продолжает формировать совершенно иные государственные курсы, идеологические направления и политические проекты, где идея свободы оттесняется на задний план идеей «несправедливости». Таким образом, если в различных западных идеологиях особое внимание будет уделяться вопросу, не ущемляет ли то или иное свободу, или же наоборот — социальную справедливость и равенство, то в большинстве латиноамериканских идеологических течений критерием являются только понятия справедливости или несправедливости. Истоки подобного подхода мы должны искать в постоянном обращении латиноамериканцев к своему колониальному прошлому; именно в его пере-

смотре категория несправедливости возникает как основная. Формируется следующая интерпретация событий: несправедливая колонизация Латинской Америки задала изначально несправедливый курс развития социума на континентах, соответственно основной задачей современного общества является изменение этого курса на более справедливый. При этом рациональный подход здесь присутствует только в отношении справедливого перераспределения благ. В качестве примеров мы можем привести известнейший литературный документ Бразилии «Манифест антропофагов» крупного писателя-модерниста XX в. Освалда де Андраде, где один из пунктов звучит так: *«У нас не было спекуляций. Но у нас имелось предвидение. У нас имелась Политика, которая была наукой перераспределения. И социальная мировая система»*².

Весь манифест, представляющий собой, безусловно, полушутливое произведение в стиле дадаизма, пронизан свойственной этому течению идеей отрицания рациональности, однако специфика его состоит в отторжении колониального европейского наследия и восхвалении традиций и опыта автохтонного населения Бразилии, которые несправедливо были отброшены в ходе завоеваний и последующего процесса колонизации.

Другим примером уже совершенно иного характера могут послужить работы известного перуанского политического деятеля Хосе Карлоса Мариатеги, где автор пытается доказать, что до начала европейской колонизации социально-экономическая система в Перу представляла собой не что иное, как «инкский коммунизм». Вот какой приговор Х.К.Мариатеги выносит европейскому колониализму: *«На все нападки, которым может подвергнуться строй инков с позиции либеральной, то есть современной концепции свободы и справедливости, можно возразить, ссылаясь на позитивный и неопровержимый исторический факт, что строй инков обеспечивал существование и рост численности населения, и когда конкистадоры появились в Перу, его население насчитывало десять миллионов человек. Спустя три века после установления испанского господства индейское население сократилось до одного миллиона. Данный факт выносит окончательный приговор колониализму»*³.

Да, безусловно, Мариатеги несколько преувеличивает, и сегодняшние данные об империи инков совсем не свидетельствуют о ее «коммунистической структуре». Однако до сих пор его работы считаются одним из важнейших исследований по перуанской истории, хотя в них и прослеживается определенная мифологизация политического прошлого доколумбовой Америки.

Обе эти работы, де Андраде и Мариатеги, опубликованные практически одновременно, в 1928 г., заставляют нас серьезно задуматься, так ли случаен сегодняшний дискурс Эво Моралеса или Уго Чавеса. Тем более, что и в середине XX в. обращение к индейским корням послужило базой для множества интереснейших общественно-политических движений. Кстати, одно из них явно является предтечей современных движений Боливии. Это движение — «катаризм», названное в честь индейского вождя Тупака Катари (Хулиана Апаса Нина), возглавившего восстание против колониального ига еще в XVIII в. Основными тезисами движения были следующие идеи, изложенные в «Манифесте Тиауанаку» в 1973 г: *«Народ, который угнетает другой народ, не может быть свободным. Нас эксплуатируют экономически. Нас подавляют с позиций культуры и политики. Мы — ино-*

странцы в нашей собственной стране. Все будет терпеть крах, если не принимать во внимание наше андское видение мира. Имеющаяся система образования чужда нам и основной своей задачей ставит сделать метиса из индейца. Мы не верим европейским идеологическим течениям, поскольку согласно их постулатам, мы не способны управлять собственной судьбой»⁴.

Таким образом, мы ясно можем проследить идею о некоем мифическом индейском «золотом веке», несправедливо разрушенном европейцами. Это, в свою очередь, ведет к серьезным сомнениям в рациональности как идеологических течений Европы, так и их использования для легитимизации конкретной политики. Ведь заданный еще в период колонизации курс развития латиноамериканских государств привел к серьезным проблемам в системе перераспределения благ, а точнее к несправедливости во всех областях развития обществ. Соответственно сегодняшняя задача ясна: изменить несправедливый курс, сделать современное общество в Латинской Америке более справедливым, и именно на этом построены программы двух самых интересных представителей левых движений в Латинской Америке — Чавеса и Моралеса.

МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО БОЛИВИЯ

«Боливия — это родина социальной несправедливости, и, если бы не ее народные массы, было бы лучше, если бы эта страна не существовала вовсе»⁵. Эти слова боливийского политика, философа и социолога Рене Савалета Меркадо цитируются во многих работах. И это не удивительно, ведь одной фразой он четко выразил мироощущение, свойственное представителям многих латиноамериканских государств. Однако контекст, в который помещена эта цитата, заслуживает не меньшего внимания. Глава так и называется — «Дискуссия о демократии»: *«Если мы рассмотрим демократию как нечто материальное, то есть, как степень равенства между людьми, ...то и после демократической революции, и вообще никогда в своем прошлом Боливия не была демократической страной. Наоборот, здесь одни люди живут, как собаки, чтобы другие люди ели, как свиньи... Боливийское, перуанское и другие общества осуждены на испорченность неравенством своими же собственными гражданами»⁶.*

Важным элементом этих рассуждений Р.Савалета является выделение несправедливого неравенства как результата развития самого общества. Здесь уже нет упоминания о колонизаторах, ведь их время ушло, и страна уже пережила одну демократическую революцию, в то время как ситуация коренным образом ни чуть не изменилась. Неравенство и несправедливость остаются характерными чертами боливийского общества, и борьба с ними — это внутренняя борьба.

Именно на этом тезисе и основаны все политические реформы Моралеса. Своей основной задачей он изначально ставил формирование многонациональной государственности, поэтому неудивительно, что главный новый политический субъект, появившийся в официальном внутривнутриполитическом дискурсе, — это «подлинные индейские народы и нации», осознавшие свое положение и выступившие в борьбе за справедливость. Мы ясно видим здесь некое единство понятий «народа» — демоса, призванного управлять, и «индейцев» — непосредственных представителей этого наро-

да. Складывается идеология, одновременно базирующаяся на крайне левых идеалах и национализме, который здесь проявляется в форме претензий в области реализации групповых этнических прав. Интересно то, что в целом эта борьба является скорее ярким проявлением борьбы против внутренней колонизации. Партия Моралеса Движение к социализму (Movimiento al Socialismo, MAS) выступает как «народная сила» против несправедливостей, чинимых самими гражданами Боливии. То есть, антиколониальная логика здесь присутствует, но в обновленном виде, где вопрос эксплуатации и неравенства возникает как следствие колониального режима, который не удалось изжить за 195 лет самостоятельного развития.

В качестве иллюстрации можно привести следующую цитату из интервью журналу «Шпигель», которое Моралес дал еще в 2006 г.: *«Несправедливость, неравенство и бедность масс заставляют нас искать лучшие условия жизни. Большинство индейского населения Боливии всегда было политически угнетено и отчуждено в сфере культуры. Наши национальные богатства, наши полезные ископаемые были разграблены. С индейцами здесь обращались, как с животными»*⁷.

А вот слова из введения к брошюре Моралеса «Слова о Боливии»: *«Женщины и мужчины, современники! Мы все являемся свидетелями исключительных политических событий, чей глубокий смысл может быть выражен как в восстановлении наследия наших народов, их памяти и коллективной идентичности, так и в открытии, истинно героическом, новых путей к равенству и справедливости»*⁸.

Любопытной чертой данного отрывка является то, что идеи свободы для тех же представителей индейского населения практически не упоминаются. Создается четкое ощущение, что подобная мысль никак не может быть вписана в идеологические рамки концепций Моралеса, и, хотя сложно представить, что боливийский президент ответил бы нам отрицательно на вопрос о необходимости свобод, сам он явно не считает этот вопрос актуальным. Основной задачей он видит построение социального государства, которое покончило бы с проблемой несправедливости в стране. В вышеуказанной брошюре Моралес ясно демонстрирует данную позицию своим политическим оппонентам.

*«... этот народ ...знает, что процесс перемен необратим, это путь в одну сторону, и мы все, прилагая усилия, ставим на демократию, стремясь к равенству и социальной справедливости. Ясно, что есть группы, которые не хотят терять привилегии, они будут протестовать, так как есть неравенство между народами. И они также знают, что я очень доволен, во-первых, структурными изменениями, во-вторых, вниманием к социальным потребностям, за которые меня атакуют группы олигархов. Это — историческая борьба боливийского народа»*⁹.

Однако это не значит, что такая категория, как «свобода», полностью исключена из президентской риторики. Вопрос только в том, что контекст и смысл, в которых употребляется это слово, здесь будут совершенно иными, нежели в западном демократическом дискурсе. Свобода здесь понимается не с точки зрения индивидуальных прав, а скорее как возможность освобождения от навязанных еще 450 лет назад несправедливых социальных систем. В качестве примера мы можем привести совсем новый проект реформы в сфере системы образования, уже охаракте-

ризованный Моралесом как «легальный инструмент освобождения и деколонизации»¹⁰. Работа над законопроектом, в котором предполагаются серьезные изменения в процессе обучения, была начата еще в 2006 г., но только в декабре 2010 г., после переизбрания президента, закон был опубликован и утвержден. Его основная цель — выравнивание системы образования с двух позиций: во-первых, уменьшение пропасти между государственным и частным образованием; во-вторых, новый подход, гарантирующий внимание к боливийской культуре как к сложному многоязыковому явлению. При этом противники этого законопроекта в прессе обозначаются не иначе как сторонники «колониальной» и «дискриминационной» системы образования¹¹.

Таким образом, мы ясно видим включение постколониальной риторики практически во все проекты. Причем, прямого обозначения внешнего врага, то есть испанцев, например, здесь нет. Борьба ведется внутренняя, борьба с наследием колониальной системы, которая породила несправедливое общественное устройство Боливии, и оппонентами здесь выступают сами же боливийцы, которые, по мнению, Моралеса, поддерживают этот заданный колониальным периодом курс. Отсюда и возникает понимание демократии исключительно как борьбы народа или лучше сказать народов, за более справедливый и равноправный мир, где политические свободы, прежде всего коллективные, вытекают из идеи социальной справедливости. Свобода здесь предстает лишь как освобождение, и соответственно любые возможные упреки в отсутствии личных политических свобод будут интерпретироваться лишь как очередная диверсия неоколониализма, средством от которой, как ни парадоксально это звучит, будет освобождение от западного понимания свободы, т.е. — неолиберализма.

БОЛИВАРИЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА ВЕНЕСУЭЛА

При всей духовной близости, которую демонстрируют нам президенты Боливии и Венесуэлы, при всем том сходстве их идеологических платформ, которые они сами и отмечают, различий в их проектах демократизации более чем достаточно.

Однако начнем с общих для обоих моментов. Прежде всего, это, конечно, все та же идея несправедливого порядка, который должен быть преобразован в ходе демократических реформ. Идеи социального и справедливого государства проходят красной нитью сквозь все высказывания и призывы Чавеса. Мы не будем углубляться в тексты речей десятилетней давности и рассмотрим лишь последние обращения венесуэльского президента. Так же как и его боливийский коллега, особую роль в демократизации Чавес отводит идеям построения более справедливого общества. *«Сегодня, в наступившем 2010 г., мы встречаем новые угрозы всей силой народа, уже видящего, как продвигается новая партиципаторная, протагонистическая революционная модель демократии, и, работая совместно с лидером Революции, народ укрепляет и конструирует новую модель социалистического общества»*¹².

Конечно, наиболее интересной составляющей этой цитаты является идея построения так называемой «протагонистической» демократии, которая на первый взгляд является тавтологичной — идеей демократии с веду-

щей ролью народа. Однако все здесь несколько сложнее. Вопрос в том, что само конструирование идеи «народа» Венесуэлы базируется на идее политического включения тех слоев, которые ранее были исключены из политического процесса. Одна из основных тенденций демократического дискурса Венесуэлы состоит именно в переформулировании нового политического субъекта — «смелого народа» Венесуэлы (*Bravo pueblo*), народа, который объединен не столько национальной принадлежностью, сколько своей классовой позицией угнетенных, причем истоки этого угнетения опять же предлагается искать еще в методах колонизации Латинской Америки. Демократия видится Чавесу как единое народное движение, где участию в политическом процессе придается больше значения, нежели плюрализму мнений, и партиципаторность здесь трактуется лишь как активная поддержка курса Чавеса.

«Но сегодня народ не один: мы не устаем прикладывать усилия, чтобы возместить материальные проблемы, компенсировать страдания и муки. Я говорю это с позиций надежды, которая начала обращаться в реальность: придет день, когда достоинство и справедливость поселятся у нас навсегда и останется в прошлом социальный кошмар, который мы унаследовали, и за полное исчезновение которого мы боремся»¹³.

При этом, в отличие от Боливии, где весь демократический проект направлен на боливийскую нацию, демократические проекты Чавеса значительно амбициознее и проецируются на объединение демоса всей Латинской Америки в борьбе за создание более справедливого общества. Рассказ о своих достижениях в политике Венесуэлы Чавес адресует неимущей аудитории всего региона, и в этом рассказе постоянно формулируется идея надежды на социальные преобразования, независимо от того, к какой латиноамериканской нации относится читатель или слушатель. Соответственно, в качестве политических оппонентов в венесуэльском дискурсе выступают совершенно иные силы.

Основной враг Латинской Америки, по Чавесу, — это капитализм, который оказывается виновником всех проблем Венесуэлы и мира в целом, даже если речь идет о проливных дождях, обрушившихся на страну в декабре 2010 г. Вот отрывок из обращения Чавеса «Народ и правительство едины!» от 5 декабря 2010 г.: *«Я хочу поразмышлять вместе с тобой, земляк, читающий мое обращение, для того, чтобы лучше понять то сложное положение, в котором мы сейчас находимся: экологическая неустойчивость, порожденная развитием капитализма, — это, без сомнения, основная причина тревожных атмосферных феноменов, от которых страдает вся планета»¹⁴.*

В данном обращении мы четко видим одновременно двух адресатов — «земляк» и вся «планета», страдающая от экологических катастроф. И становится понятно, что согласно позиции президента Венесуэлы, венесуэльцы уже в принципе осознали не только то зло, которое несет капиталистический мир их стране, но и то зло, которое он сеет повсеместно. Специфика демократического дискурса Венесуэлы состоит одновременно в призыве и к своему народу, и к соседним государствам, угнетаемым капитализмом. Более того, риторика, направленная вовне, здесь имеет приоритет, так как в Венесуэле уже идут нужные социальные преобразования, и теперь дело за остальной Латинской Америкой. Те огромные суммы неф-

тедолларов, которые Чавес выделяет на поддержку дружественных правительств, на наш взгляд, являются достаточным основанием для таких выводов. Политика Боливарианского альянса для Америк (Alianza Bolivariana para las Américas, ALBA) направлена на объединение всех стран региона на основании идеи построения социального государства.

Поэтому и восприятие критики со стороны США имеет здесь весьма специфический характер. По сути дела, Венесуэла придерживается методики Фиделя Кастро: выступая с резкими речами в отношении правительства США, ее официальные представители подчеркивают при этом хорошее отношение к американскому народу в целом. Причем с годами и со сменой президентов эта риторика не меняется. Еще в 2004 г. Чавес обвинял правительство США в «чудовищном лицемерии»¹⁵, так же поступает он и сейчас: *«Хорошо, 2009 год начался с появления нового правительства в США. Пришел к власти новый президент... Его приход породил (не именно у нас, но нужно признать, что это все же было в других частях света) некоторые ожидания. Он сам заявил о себе как о знаменосце перемен внутри своей страны так часто терзаемой правящей там элитой; той элитой, той буржуазией, той аристократией, которая удерживается у власти, прикрываясь маской демократии без каких-либо моральных ограничений, при том, что уж не знаю сколько их же президентов ими же были убиты. Итак, вы все видите важность того, что мы должны ускорить создание социально справедливого правового государства и в то же время ускорить исчезновение государства буржуазии»*¹⁶.

Таким образом, Чавес подчеркивает единственно возможный для него путь к демократии: социальные преобразования при ведущей роли народных масс. Индивидуальные же свободы не имеют здесь существенного значения. Следовательно, и той критике, которая исходит от США и европейских государств, официальный демократический дискурс Венесуэлы практически недоступен.

ВОЗМОЖЕН ЛИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ?

Одним из насущных вопросов дискуссий о демократии, как было указано в начале статьи, является вопрос существования универсальных критериев этого процесса. В ряде стран, например в России, мы можем наблюдать определенный интерес к этой теме. Участие в дискуссии, рамки которой задаются западным демократическим дискурсом, как бы включает государство в лагерь «передовых» стран. Ее базовые темы: идеалы свободы или социальной справедливости и равенства, возможность их объединения или преобладания неолиберальных или социалистических идей. Именно с этих позиций обосновывается критика процессов демократизации, идущих в различных странах мира. Причем преобладание неолиберального демократического дискурса в Соединенных Штатах дает возможность политическим элитам этой страны формулировать критику, которая одновременно затрагивает и нормативную составляющую, и рассматривает демократию как политический режим, так как политические свободы здесь проявляются одновременно и как ценность, и как характеристика методов управления. Демократия же в Венесуэле и в Боливии понимается совершенно иначе, поэтому все упреки из Вашингтона в значительной степени теряют

здесь свой вес. В то время как для демократического дискурса Вашингтона наличие такого политического оппонента, как Венесуэла, служит опорой неолиберальных идей, Каракас использует эту критику в совершенно иных целях, поскольку вопрос о том, правильно ли Чавес интерпретирует понятие демократии, просто не включается в повестку дня. США для Венесуэлы скорее будут символом не иного возможного понимания демократии, а той силой, которая своим поведением дестабилизирует и без того крайне несправедливую мировую систему.

Интересным моментом является то, что на мировой арене США и Венесуэла воспринимаются как оппоненты. При этом точек пересечения демократического дискурса США с официальной риторикой Венесуэлы практически нет, а соответственно и критика со стороны США не может серьезно влиять на дальнейшее продвижение в Латинской Америке идеи «справедливость против несправедливости». И доказательством этого, на наш взгляд будет являться демократический дискурс Боливии, которая вслед за Венесуэлой выстраивает все политические проекты на базе противостояния «несправедливому», концентрируясь исключительно на внутренней политике и не прибегая к образу внешнего врага. Таким образом, в Латинской Америке формируется совершенно новый демократический дискурс, возможность критики которого со стороны Запада крайне ограничена, если не невозможна. Именно этим, на наш взгляд, объясняется живучесть этих идей и их растущая популярность в регионе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Дж. Р о л з. Закон народов: неидеальная теория. — Неприкосновенный запас, 2002, № 4.
- ² O. d e A n d r a d e. Manifiesto Antropófago — www.antropofagia.com.br
- ³ Х.К.М а р и а т е г и. Семь очерков о перуанской действительности. М., 1963, с. 95.
- ⁴ Manifiesto de Tiahuanacu. — home.swipnet.se/Willka/Sindicatos%20Campesinos.htm
- ⁵ R. Z a v a l e t a. Las masas en noviembre. — Bolivia hoy. México, 1983, p. 23.
- ⁶ Ibidem., p. 23—24.
- ⁷ Fidel hilft uns sehr. — www.spiegel.de/spiegel/print/d-48680050.html
- ⁸ E. M o r a l e s. Palabras sobre Bolivia. 2008.
- ⁹ Ibidem.
- ¹⁰ El maestro es el soldado de la liberación y descolonización de Bolivia. — www.presidencia.gob.bo/noticia2.php?cod=194
- ¹¹ Aprobada en Diputados la Ley de Educación. — www.opinion.com.bo/09/12/2010/aprobada-en-diputados-la-ley-de-educacion/
- ¹² Mensaje anual del presidente de la República Bolivariana de Venezuela, Hugo Chávez, ante la Asamblea Nacional Palacio Federal Legislativo, Caracas Viernes, 15 de enero de 2010. — www.rnv.gov.ve/noticias/?act=ST&f=&t=117900
- ¹³ ¡Pueblo y Gobierno Unidos! — www.minci.gob.ve
- ¹⁴ Ibidem.
- ¹⁵ У. Ч а в е с. Многополярный мир как глобальная альтернатива. Взгляд Венесуэлы. — Свободная мысль, 2005, № 2 с. 2—13.
- ¹⁶ Mensaje anual del presidente de la República Bolivariana de Venezuela, Hugo Chávez, ante la Asamblea Nacional Palacio Federal Legislativo, Caracas Viernes, 15 de enero de 2010. — www.rnv.gov.ve/noticias/?act=ST&f=&t=117900